

СЕКРЕТЫ И ШПИОНЫ*

«Моей семье через континенты и поколения и их мужеству» — таково посвящение автора к книге, которая представляет собой историю семьи Оникулов, историю, типичную для тысяч россиян, прошедших через политические катаклизмы, в результате чего одни погибли или оказались в Гулаге, другие были разлучены и разбросаны по разным странам и континентам.

В начале прошлого века демократизм жизни в зоне КВЖД и открывающиеся возможности привлекли сюда тысячи евреев из западных областей России. Одним из них был Гирш Оникул, который вслед за братом в 1909 г. приехал на КВЖД с женой Чесной и двумя детьми — Абрамом (1907 г. рожд.) и Гитой (1909 г.). Они обосновались в Хайларе, где у них родились дочь Маня (1911) и сын Яша (1917). Гирш работал агентом компании «Зингер», а через пять лет после приезда купил стадо коров и стал продавать молоко. Материальное положение семьи постепенно крепло, дети учились.

Автор книги показывает, как политические события, ареной которых была Маньчжурия, отразились на судьбе семьи. Знаменательным оказался 1924 г., когда КВЖД перешла под совместное китайско-советское управление и перед эмигрантами встала проблема выбора гражданства. Оникулы, как и многие другие евреи, не задумываясь, выбрали советское.

М. Мустафина следующим образом объясняет этот шаг. Оникулы были далеки от политики, прежде всего они были россиянами, и самым важным для них в тех условиях было не остаться бесподданными. В Китай Оникулы приехали легально, с паспортами, выданными в царское время. Теперь правительство в России было советским, как и администрация КВЖД, и они взяли паспорта, которые оно им предложило (с. 96—97). Впоследствии это решение для них оказалось роковым.

В годы японской оккупации Маньчжурии началось преследование советских граждан. Хотя японцы сами по себе не были убежденными антисемитами, но их тесный контакт с РФП придавал законность скрытому антисемитизму, питаемому некоторыми русскими. Как считает автор, это делало людей, подобных Оникулам, которые были и евреями, и «советскими», особенно уязвимыми (с. 104). Сложившаяся ситуация привела к тому, что все члены семьи Оникулов, кроме Гиты, в 1932—1936 гг. уехали в Советский Союз.

Поселились в Горьком, где младшие Оникулы нашли работу на тогдашнем гиганте индустрии ГАЗе. Яша работал техническим переводчиком с английского, Маня, дантист по профессии, — в поликлинике завода. Электриком на ГАЗе работал и племянник Гирша Саня Оникул, приехавший из Хайлара. В 1937—1938 гг. все Оникулы были арестованы по статье № 58.6 (шпионаж). Гирша, Маню и Саню приговорили к расстрелу, Яшу — к 10 годам лагерей, Чесну — к 5 годам ссылки. Для автора книги город, в котором ее родственников постигла столь жестокая участь, навсегда остался «горьким», хотя сейчас он и сменил свое название (с. 42).

Трагически оборвалась и жизнь старшего сына Оникулов. Абрам, являясь агентом НКВД, уехал из Хайлара вместе с другими оперативными работниками перед приходом японцев в 1932 г., и был направлен на

* Moustafine M. Secret and Spies. The Harbin Files. Sydney. Vintage, 2002. 468 p. (Мустафина М. Секреты и шпионы. Харбинские файлы. Сидней. Изд. Vintage. 2002. 468 с.)

учебу в ДВГУ. В 1933—1937 гг. учился на Восточном факультете на отделении китайского языка, а затем работал переводчиком в Гродеково. В октябре 1937 г. Абрама арестовали, почти два года он находился под следствием и был приговорен к 10 годам заключения. Умер в лагере в 1941 г.

В Китае осталась только старшая дочь Оникулов Гита, в замужестве Зарецкая, которая жила в Харбине. Дочь Гиты Инна вышла замуж за А. Мустафина русско-татарского происхождения, у них родилась дочь Мара. В 1959 г., когда девочке было пять лет, Зарецкие и Мустафины эмигрировали в Австралию. Именно Мара Мустафина, внучка Гиты Оникул, и является автором рецензируемой книги. Презентация книги состоялась 7 ноября 2002 г. в Сиднее в день 50-летия со дня свадьбы родителей Мары.

М. Мустафина закончила факультет международных отношений австралийского национального университета (Канберра), работала в Австралии и в странах Юго-Восточной Азии в качестве дипломата, аналитика-международника в органах государственной безопасности, журналиста и одного из региональных руководителей Австралийской национальной телекоммуникационной компании «Telstra» (с. 9). Ныне она является National Director Amnesty International Australia. Владеет двумя языками (английским и русским). «Субботы, проведенные в течение 10 лет в русской школе в Сиднее, не прошли даром», — пишет автор.

«Секреты и шпионы» — первое произведение М. Мустафиной. Она не только автор, но и одно из главных действующих лиц книги, в которой две сюжетные линии: одна из них — это семейная сага, кратко изложенная выше. Но история семьи Оникулов предстает перед читателями не сразу, а по мере развития другой сюжетной линии, не менее драматичной и захватывающей, которой является история пробуждения интереса у автора к теме исследования и поиска источников для ее раскрытия, что повлекло за собой многочисленные путешествия, знаменательные встречи и события, изложенные в книге. Автор — не сторонний наблюдатель и бесстрастный летописец. На страницах книги М. Мустафина размышляет, делится своими мыслями и впечатлениями, откровенно выражая чувства, которые вызывают в ней события, нашедшие отклик в ее душе.

А началось все со старого семейного альбома с фотографиями родственников из Китая, где, как она знала, жили несколько поколений ее семьи и где она родилась. Прежде всего ее внимание привлекла фотография младшей сестры ее бабушки Мани, в честь которой она была названа¹.

Возможно, считает М. Мустафина, судьба семьи, пересекшей государственные границы и политические системы, и подтолкнула ее к изучению политики и международных отношений. Со временем она поняла, что история ее родных — бесценный исторический документ (с. 7).

Перестройка и изменение политического климата в нашей стране позволили М. Мустафиной приступить в 1992 г. к сбору материала. Начало было положено визитами к родственникам в Россию, а также на Лубянку в Москве. Поиск и получение архивных документов оказались сопряженными с немалыми трудностями, прежде всего бюрократического характера.

Толчок к дальнейшим действиям дала встреча с губернатором Нижнего Новгорода Б. Немцовым в 1994 г. на заседании Русско-Австралийского делового совета в Сиднее, благодаря которой М. Мустафина получила доступ к архивам НКВД. Когда в Государственном архиве

Нижегородской области она взяла в руки заветные папки с протоколами допросов пяти репрессированных членов семьи, пролежавшие в забвении 40 лет, она испытала шок. Какие тайны они хранят? (с. 53). Именно протоколы допросов оказались наиболее информативными и помогли найти ответ на многие вопросы.

В 2000 г. в архиве ФСБ Хабаровского края М. Мустафиной удалось отыскать и дело Абрама Оникула, а в ГАХК в документах БРЭМ она обнаружила дела своих харбинских родственников, хотя они не были зарегистрированы в этой организации, так как имели советские паспорта. Это открытие позволило ей сделать вывод, что БРЭМ с помощью своих осведомителей контролировала всех эмигрантов.

Работала М. Мустафина и в архивах других стран, в частности, в Хэйлунцзянском провинциальном архиве в Харбине, в архиве Института Гувера Стэнфордского университета, в Музее русской культуры в Сан-Франциско. Сведения, полученные из архивных документов, были дополнены воспоминаниями тех, кто знал Оникулов. Так, в 1991 г. был записан на магнитофон рассказ восьмидесятилетней бабушки Гиты о жизни в Харбине и Хайларе. Кроме архивных материалов и воспоминаний, непосредственно касающихся Оникулов, были использованы и опубликованные документы, что позволило вписать историю семьи в контекст происходящих событий. М. Мустафина перевела на английский язык полный текст Оперативного приказа Народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 20 сентября 1937 г. за № 00593 (о репрессиях против харбинцев), который помещен в приложении (с. 449—452).

При работе над книгой автор использовала также многочисленные труды зарубежных и российских исследователей. Знакомы ей и работы владивостокских авторов². Подробная библиография помещена в конце книги (с. 425—44).

Много сил и времени исследователь посвятила поиску следов прошлой жизни семьи Оникулов. У родственников она нашла фотографии и вещи членов семьи, вдохнувшие жизнь в туманные образы ее героев, сделавшие их более осязаемыми. М. Мустафина объехала города, связанные с различными этапами жизни членов семьи Оникулов, чтобы собственными глазами увидеть дома, в которых они жили, улицы, по которым ходили, места заключения, где они провели последние дни. В 2000 г. она побывала во Владивостоке в Институте истории ДВГУ, встретила с доктором исторических наук, профессором Э.В. Ермаковой, которая рассказала ей о трагическом десятилетии (30-е годы прошлого века) в жизни университета.

Свидетельством подвижнических усилий М. Мустафиной в поисках источников может служить следующий пример: чтобы воссоздать всего лишь десятимесячный эпизод из жизни Мани Оникул в Шанхае в 1933—1934 гг., автор несколько раз приезжала в этот город, познакомилась с ведущими китайскими исследователями истории российской эмиграции, которые показали ей русский и еврейский Шанхай (с. 118—121). Она съездила в Нью-Йорк для встречи с теми, кто знал Маню в шанхайский период ее жизни, побывала в Институте Гувера, чтобы познакомиться с документами русской эмиграции Шанхая (с. 121—122). Собранный материал и полученные впечатления помогли понять, что руководило поступками Мани, и попытаться раскрыть ее внутренний мир.

Огромная многолетняя работа, проделанная М. Мустафиной по сбору материала, позволила создать интересное исследование путем анализа информации из материалов НКВД и воспоминаний родственников,

используя в качестве ключа политическую обстановку и немного воображения (с. 136).

Однако книга М. Мустафиной — это не только история семьи и авторского поиска, ей удалось значительно расширить границы повествования. История Оникулов предстает на широком политическом фоне, автор увязывает частные судьбы своих родственников с политической ситуацией. Как специалист-международник М. Мустафина дает, хотя и краткую, но емкую характеристику событий, происходивших в Китае, в Советском Союзе и России, а хорошее владение материалом позволяет ей подробно описывать детали быта того времени.

Особое внимание уделяется периоду японской оккупации Маньчжурии и положению россиян в этих условиях, прежде всего тех, кто продолжал сохранять советское гражданство. Географические рамки исследования охватывают не только Харбин, история которого столь популярна в отечественной литературе, но и Хайлар, упоминание о нем встречается редко. В Хайларе проживали около 100 семей с советским гражданством (с. 354).

Ухудшение экономической ситуации, обострение политической поляризации и подъем антисемитизма в результате сотрудничества японцев с русскими фашистами привели к тому, что в 30-е годы XX в. тысячи россиян, в том числе и молодежь, вынуждены были уехать на родину. Но главная причина исхода, как считает автор, была в другом. Они воспитаны русскими, не адаптировались в существовавших условиях, чувствовали свою чужеродность, что особенно остро ощущалось во время японской оккупации. Россияне потеряли родину в Китае и надеялись найти ее в СССР.

Пожалуй, самая болезненная проблема для автора книги — это проблема репрессий 30-х годов прошлого века в СССР. М. Мустафина старалась понять, почему люди, которые добровольно приехали в СССР, полные надежды на светлое будущее, были обвинены в предательстве и измене родине? За что? Какие против них были аргументы? (с. 202). Она упорно разыскивала документы, которые могли бы пролить свет на мучивший ее вопрос. Мать урезонивала ее: «Ты уже знаешь, что произошло в семье. Что ты еще хочешь найти?» (с. 41).

Но у М. Мустафиной, выросшей в условиях демократии и принятой на работу в органы государственной безопасности Австралии, несмотря на ее весьма сомнительную по советским меркам биографию иммигрантки, не укладывалось в голове, что человек может быть обвинен в несуществующих преступлениях и лишен жизни без вины.

Она пыталась докопаться до истины. Скрупулезно изучая документы НКВД (дела Оникулов, протоколы их допросов и др.), сравнивая их между собой, сличая подписи, даты, обнаруживала противоречия и несоответствия. В книге подробно описывается весь процесс дознания, как оно строилось, какие вопросы больше всего интересовали следователей, к каким они прибегали уловкам, чтобы поймать в ловушку допрашиваемого, как выбивались или были сфабрикованы признания. Следователи в большинстве своем были невежественны. Харбин, Хайлар, город Маньчжурия, провинция того же названия, Маньжоу-Го — все для них было едино — место, где действовали японские шпионы и враги народа (с. 156). Гирша Оникула, еврея и советского гражданина, они подозревали в том, что он якобы был членом фашистской партии (с. 57). Суровые приговоры выносились независимо от того, имелись доказательства вины и признал ли ее обвиняемый или нет.

Изучение документов привело автора к пониманию того, что главная цель допросов — втиснуть каждого из Оникулов в одну из категорий приказа Ежова за № 00593 от 20 сентября 1937 г., по которому все харбинцы были шпионами (с. 207). В книге показано развитие истерии террора в стране, приведшее к репрессиям против россиян с китайским прошлым (с. 211).

М. Мустафина не только воскрешает прошлое, но и обращает внимание на современные процессы, происходящие как в нашей стране, так и в Китае, свидетелями которых она стала во время поездок. В частности, автор затрагивает проблему восстановления национальной памяти в России после многих лет страха и молчания, начало чему, по ее мнению, положено возведением мемориалов для увековечения памяти жертв репрессий и публикацией «Книг памяти». В Государственном архиве Нижегородской области РФ ей предложили включить имена своих родственников в одну из таких книг, готовящихся к печати, а на Стене памяти на кладбище Хабаровска она сама прикрепила табличку с именем Абрама Оникула (с. 59, 313).

М. Мустафина, будучи в Китае, обратила внимание на изменение отношения к проблеме русского Харбина, что, на ее взгляд, выражается в возрастающем признании роли россиян в развитии этого города и стремлении сохранить его историю. Реставрируются архитектурные памятники, газета «*Heilongjiang Daily*» регулярно печатает статьи о бывших харбинцах. Так, во время визитов М. Мустафиной к русским, проживающим в Харбине, неизменно присутствовал корреспондент этой газеты (с. 413—420).

Отмечая несомненные достоинства рецензируемой книги, следует указать и на некоторые неточности, встречающиеся в ней, например, дата капитуляции, подписанной Японией, указана 4 сентября (с. 361), а не 2 сентября. Может вызвать дискуссию и определение Красной Армии в Маньчжурии в 1945 г. как оккупационной (с. 361—362) или столь прямая параллель при сравнении БРЭМ и Общества советских граждан (с. 376).

В заключительной главе книги М. Мустафина пишет: «История не стоит на месте, дожидаясь, когда вы отыщете ее, но, если вы сделаете усилие, иногда она встретит вас на полпути» (с. 423). Встреча автора книги с историей, бесспорно, состоялась. Исследование М. Мустафиной представляет существенный вклад в изучение истории российской эмиграции в Маньчжурии и истории репрессий. Книга заслуживает быть переведенной на русский язык и изданной в России.

В Австралии книга М. Мустафиной получила высокую оценку и удостоилась престижной литературной премии, которая призвана поощрять авторов, раскрывающих в своем творчестве историю иммигрантов и поддерживающих таким образом политику мультикультурализма, проводимую правительством³.

Г. И. КАНЕВСКАЯ, ДВГУ

1. Российские евреи имели традицию называть детей именами умерших родственников, а имена Маня (Мария) и Мара (Мариана) имеют общий корень в древнееврейском языке (с. 2).
2. Дальневосточный государственный университет: История и современность. 1899—1999. Владивосток, 1999; Chernolutskaya E. Religious Communities in Harbin and Ethnic Identity of Russian Emigres // Harbin and Manchuria: Place, Space and Identity, South Atlantic Quarterly, Winter 2000, Duke University Press, Durham.
3. Горизонт. Сидней, 2003, 24 мая. С. 13.